

Источники международного права как источники международного частного права России

УДК 340.130

Нефёдов Борис Иванович

д-р юрид. наук, доцент, проректор по научной работе Сибирского института бизнеса и информационных технологий (Омск); e-mail: boris-nefedov@mail.ru

Статья получена: 24.12.2014. Рассмотрена: 13.01.2015. Одобрена: 19.01.2015. Опубликовано онлайн: 01.03.2015. © РИОР

Аннотация. Статья 38 Статута Международного Суда ООН говорит о таких основных источниках международного права, как международный договор, международный обычай и общие принципы права цивилизованных народов. В ней также упоминаются судебные решения и доктрина, но только в качестве вспомогательных средств для определения правовых норм. В статье сделана попытка рассмотрения основных видов источников международного права применительно к вопросу об источниках международного частного права России.

Ключевые слова: источники права, источники международного права, источники международного частного права России.

Исходя из двойственной природы источников международного частного права (МЧП) России, все они первоначально делятся на национально-правовые и международно-правовые формы. В настоящей статье сделана попытка рассмотрения существующих источников только международного права применительно к вопросу об

источниках международного частного права нашего государства.

Когда говорят об источниках международного права, то обычно, опираясь на ст. 38 Статута Международного Суда ООН, к ним относят:

«а) международные конвенции, как общие, так и специальные, устанавливающие правила, определенно признанные спорящими государствами;

б) международный обычай как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы;

с) общие принципы права, признанные цивилизованными народами;

д) с оговоркой, указанной в ст. 59 (решение суда обязательно лишь для участвующих в деле сторон и лишь по данному делу), судебные решения и доктрины наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций в качестве вспомогательного средства для определения правовых норм» [1, с. 47–63].

Рассмотрим каждый из этих видов источников права с точки зрения их возможности быть источниками МЧП России.

SOURCES OF INTERNATIONAL LAW AND INTERNATIONAL PRIVATE LAW OF RUSSIA

Boris Nefedov

Doctor of Law, Associate Professor, Vice Principal of scientific research, Siberian Institute of Business and Information Technology (Omsk); e-mail: boris-nefedov@mail.ru

Manuscript received: 24.12.2014. **Revised:** 13.01.2015. **Accepted:** 19.01.2015. **Published online:** 01.03.2015. © RIOR

Abstract. Article 38 of the Statute of the International Court of Justice speaks of the main sources of international law such as international treaties, international custom and general principles of law of civilized nations. It also refers to judicial decisions and doctrine, but only as an aid to determine legal norms. This research paper attempts to review the basic types of sources of international law in relation to the question of the sources of international private law of Russia.

Keywords: sources of law, sources of international law, sources of international privatelaw of Russia.

Что касается *международных договоров*, то, как ни странно, единообразных подходов к их пониманию как источников МЧП в нашей науке не сложилось. Так, целая группа авторов вообще отрицает за международными договорами характер источников МЧП.

Особенностью этой группы является то, что в основе позиции их представителей при общем выводе лежит не один, а три разных тезиса, в их различных вариациях.

Так, одни из них делают основной упор на то, что МЧП является исключительно элементом системы национального права, входит в систему внутреннего права каждой страны, в том числе и в России. По их мнению, «международное частное право в настоящее время является не международным правом, но правом национальным (внутренним)», а этот термин используется постольку, «поскольку никто не нашел лучшего названия» [2, с. 25].

Отсюда ими делается вывод о том, что источниками МЧП России могут быть только «те юридические формы, которые характерны для национального права вообще»* [3, с. 68], а международный договор «не имеет прямого применения во внутригосударственной сфере и, следовательно, не является источником внутреннего права, в том числе международного частного права как одной из отраслей внутреннего права» [4, с. 86–87].

При этом среди сторонников данной точки зрения нет единства мнений по поводу места МЧП в структуре внутригосударственного права. Так, одни из них (Л.П. Ануфриева, А.Л. Маковский, Г.К. Дмитриева, В.П. Звекон, С.Н. Лебедев, А.Б. Левитин, Д.Б. Катков, Е.В. Корчигин, А.Л. Маковской, А.П. Мовчан, Н.В. Орлова, В.С. Поздняков, М.Г. Розенберг, А.А. Рубанов, В.Л. Толстых, Н.А. Ушаков и др.) считают МЧП самостоятельной отраслью национального права, а другие (М.М. Агарков, М.И. Брагинский, И.А. Грингольц, О.Н. Садиков, А.Л. Маковский

и др.) — частью и даже «срезом»** гражданского права.

Любопытно, что при этом часто критикуются «за непоследовательность» те авторы (Л.А. Лунц, Г.К. Матвеев, М.М. Богуславский и др.), которые, также считая МЧП частью национального права, все-таки признают за международными договорами и международно-правовыми обычаями характер источников МЧП [3, с. 69].

Один из основных аргументов сторонников исключительно национальной правовой природы МЧП России состоит в том, что под МЧП в первую очередь понимаются коллизионные нормы, которые, по их мнению, «почти всегда» являются национальными***. Но ведь не всегда, а только «почти всегда», даже применительно к МЧП. Что же касается международного административного права, то там коллизионные нормы в своем абсолютном большинстве как раз содержатся не в национальном законодательстве, а именно в международных соглашениях.

По нашему мнению, здесь все-таки следует согласиться с Г.И. Тункиным в той части, что МЧП представляет собой «комплекс правовых норм, относящихся частично к национальным правовым системам различных государств, частично — к международному публичному праву (международные договоры). Международное частное право, хотя и имеет свой предмет регулирования — выходящие за рамки правовой системы одного государства отношения между субъектами различных национальных правовых систем, — не является особой системой или отраслью права» [7, с. 11–12].

С точкой зрения первой группы тесно переплетаются взгляды второй группы авторов (И.С. Перетерский, М.М. Богуславский, В.П. Звекон, С.Б. Лебедев, И.И. Лукашук, А.Л. Маковский, М.Х. Бабаев, Е.Т. Усенко и др.), которые отрицают за международными договорами характер источ-

* Что касается международно-правового обычая, то, по их мнению, он также является исключительно «источником международного (публичного) права», а во внутренней сфере государства его действие «опосредуется национально-правовыми формами» [3, с. 96].

** Так, по мнению А.Л. Маковского, МЧП — это «своего рода надстройка над другими нормами гражданского права, специально созданная для регулирования отношений, осложненных иностранным элементом, «срез», «слой» гражданского права, захватывающий почти все его подотрасли и институты» [5, с. 224].

*** Так, Г.М. Вельяминов, применительно к основной составляющей МЧП, пишет «речь идет в основном лишь о коллизионных нормах, которые действительно почти всегда являются национальными» [6, с. 78].

ников МЧП, поскольку последовательно отстаивают позицию так называемой «теории трансформации». Так, по мнению И.И. Лукашука, «только в том случае, если предписания международного права будут тем или иным путем оформлены в виде норм внутреннего права, они смогут регулировать внутригосударственные общественные отношения» [8, с. 9]. В другой своей работе он пишет: «Для того, чтобы регулировать отношения с участием физических и юридических лиц, содержащиеся в международно-правовой норме правило должно войти в правовую систему страны в установленном порядке. Иначе говоря, стать нормой внутреннего права. Этот процесс именуется трансформация» [9, с. 11–12].

Среди сторонников теории трансформации международно-правовых норм во внутригосударственные нормы нет единого мнения ни по поводу характера такой трансформации, ни по поводу ее объема. Одни из них выдвигают идею о том, что при такой трансформации происходит изменение характера международно-правовой нормы, «превращение ее в качественно иную правовую категорию» [10, с. 34], «преобразование норм международного права в норму внутригосударственного права» [11, с. 93]. Другие отстаивают мнение о том, что применяемый термин «трансформация» является условным, так как речь идет не о превращении международно-правовых норм в нормы внутреннего права страны, а о «воплощении их требований в нормах внутригосударственного права» [12, с. 160; 13]. Третьи занимают «промежуточную» позицию. Так, Г.М. Вельяминов считает, что «договорная международно-правовая норма применяется, только будучи рецепированной ... в национальном правопорядке. Норма эта становится также и внутригосударственной нормой, а по своему предмету — нормой конкретной отрасли права... Однако при этом сохраняется и действительность как таковой международно-правовой нормы, идентичной по формулировке (но не по правовому значению) норме рецепированной» [6, с. 79]. Л.А. Лунц также считает, что трансформированные нормы остаются «внутригосударственными в том смысле, что они должны приме-

няться и соблюдаться при регулировании определенных внутренних отношений, но они сохраняют автономность в отношении внутренней системы права в целом» [14, с. 227].

При этом у всех авторов этой группы основной тезис остается единым: сами международно-правовые нормы не могут быть регуляторами общественных отношений с участием физических и юридических лиц.

Представляется, что более верную позицию занимают те авторы (И.П. Блищенко, Г.И. Курдюков, Н.В. Миронов, Р.А. Мюллерсон, О.И. Тиунов и др.), которые исходят из прямо противоположного тезиса. Опираясь на договорную практику и законодательные формулировки нашего государства, они делают вывод о способности самих международно-правовых норм выступать в качестве непосредственных регуляторов общественных отношений в нашей стране.

Одной из причин неутраченной на протяжении последних десятилетий дискуссии между сторонниками и противниками теории трансформации, спорящими по поводу возможности (или невозможности) прямого регулирования нормами международных договоров общественных отношений в России, является то, что все они не видят разницы между внутригосударственными отношениями (в их чистом виде) и отношениями с так называемым иностранным элементом, т.е. трансграничными отношениями. Они считают все такие отношения внутригосударственными. Когда сторонники теории трансформации говорят о невозможности регулирования международно-правовыми нормами внутригосударственных отношений, с ними, в целом, следует полностью согласиться. Правовая же природа трансграничных отношений несколько иная. Они тем и отличаются от внутригосударственных отношений, что имеют сложный механизм правового регулирования, участие в котором принимают нормы различных правовых систем, в том числе нормы международных договоров.

Дело в том, что сегодня следует говорить не о двух типах общественных отношений, а о трех. Во-первых, это международные (межгосу-

дарственные) отношения. Во-вторых, — внутригосударственные отношения. В-третьих, трансграничные отношения. Трансграничные отношения — это общественные отношения с участием субъектов национального права, ноотягощенные иностранным элементом. Особенностью этих отношений является то, что у них нет «собственной» правовой системы, поэтому в их регулировании стали принимать участие как коллизионные, так и материальные нормы и национального права данного государства, и нормы международного права, и нормы права иностранных государств. При этом не происходит какого-либо изменения формы и содержания таких норм, их «трансформации» в нормы внутригосударственного права соответствующего государства.

В результате для регулирования этого нового типа общественных отношений произошло формирование не новой по типу правовой системы (как это было с международными отношениями), а новых по виду структурных элементов права — межсистемных образований (международного частного права, международного административного права и др.). Такие образования представляют собой объективно формируемые на основе крупных структурных элементов системы национального права отдельных государств устойчивые совокупности коллизионных и материальных внутригосударственных и международно-правовых норм, направленных на урегулирование того или иного вида трансграничных отношений. При этом каждое межсистемное образование, в свою очередь, характеризует устойчивость, взаимосвязанность и взаимозависимость его элементов, что объясняется единым предметом и общими методами правового регулирования, определенным единством самого правового регулирования, являющегося следствием существующей иерархичности норм, как в рамках отдельных правовых систем, так и на межсистемном уровне [15].

Наконец, третья группа авторов, отрицающих за международными договорами характер источников МЧП России (Т.П. Гревцова, С.Б. Крылов, В.Ф. Мешера, А.И. Минаков и др.), считают, что

их нормы, непосредственно участвуя в регулировании общественных отношений в России «независимо от того, воспроизведены эти правила во внутригосударственной правовой норме или нет» [16, с. 173] автоматически становятся частью нашей национальной правовой системы, «непосредственно входят в совокупность норм», образующих наше национальное право [17, с. 125].

Аргументации их позиции на современном этапе содействовала и формулировка ч. 4 ст. 15 нашей Конституции. Так, согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ 1993 г. «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью ее правовой системы».

На самом деле в России слияния норм международных договоров с внутригосударственным законодательством в единую правовую систему, как это имеет место в странах англосаксонского права, не произошло. Если, например, в США или Англии закон, принятый после заключения международного договора, имеет преимущественную силу перед положениями договора, т.е. в этих государствах установлены для тех и других норм *общие принципы*, касающиеся, например, действия нормативного акта во времени, то у нас подобного не происходит. Приходится констатировать, что ч. 4 ст. 15 Конституции РФ содержит в себе глубокое внутреннее противоречие. Этот пункт одновременно закрепляет, с одной стороны, одну из основ континентальной правовой семьи — приоритет норм международных договоров над национальными нормами права, с другой — прямо противоположный принцип англосаксонской правовой семьи — объявляет и национальные, и международные договорные нормы единым правовым полем, включая нормы международных договоров в национальную правовую систему [18].

Основной аргумент противников такого подхода заключается в том, что «самоисполнимые» нормы договоров входят в правовую систему РФ, поскольку они непосредственно регулируют общественные отношения в России. Это действительно так. Но если включать в правовую систему России вообще все нормы,

что выступают в нашем государстве в качестве регуляторов общественных отношений, то следует признать в качестве таковых и нормы иностранных государств, которые также выступают в этом же качестве применительно к трансграничным отношениям. В настоящее время в мире насчитывается около 200 национальных правовых систем, и нормы каждой из них в силу соответствующих коллизионных норм потенциально могут регулировать общественные отношения в нашем государстве. Они что же, также все входят в правовую систему нашего государства? А как же тогда быть с источниками российского права? В зарубежных государствах соответствующие нормы права могут содержаться, например, в судебных прецедентах, доктрине и других источниках, не признаваемых в качестве таковых в нашей стране. Если мы признаем иностранные правовые нормы в качестве части нашей правовой системы, то должны признать и соответствующие источники источниками нашего права* [19]. Национальные правовые системы каждого государства объединяют в правовые семьи. За основу такого объединения обычно берется общность основных понятий, источников, структуры права, исторического пути его формирования и др. Но получается, что никакой индивидуализации больше не существует. Ведь теперь право каждой страны (ее правовая система) представляется как нечто совершенно аморфное, лишенное всех указанных признаков. Понятно, что в подобном подходе содержится какая-то существенная ошибка.

Дело в том, что, во-первых, нормы национального права являются единственной нормативной составляющей национальной правовой системы. Во-вторых, ни нормы международного, ни нормы иностранного права, допускаемые в качестве регуляторов общественных отношений в нашем государстве, не являются ни частью национального права России, ни частью ее национальной правовой системы. Они остаются нормами иных — международной или со-

ответствующей иностранной — правовых систем. В то же время следует признать, что нормы международного и иностранного права, выступающие в России в качестве регуляторов общественных отношений, совместно с нормами собственного национального права действительно входят в механизм правового регулирования общественных отношений в нашем государстве. Дело в том, что в своей совокупности эти нормы формируют не правовую систему России, но некую другую общность совершенно иного порядка, еще не известную теории нашего права — совокупность реализуемых в нашем государстве правовых норм.

Что же касается формулировки ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, то еще во времена СССР В.С. Верещетин, Г.М. Даниленко и Р.А. Мюллерсон предлагали следующий текст соответствующего конституционного положения: «Общепризнанные принципы и нормы международного права, а также ратифицированные и официально опубликованные договоры СССР обязательны для всех государственных органов, общественных организаций, юридических лиц и граждан» [19, с. 16–17]. Эта формулировка в случае ее принятия, на наш взгляд, более соответствовала бы существующим реалиям.

Говоря о международных договорах как источниках МЧП России, нельзя не упомянуть еще об одной проблеме. Часть авторов (А.Б. Левитин, Г.К. Матвеев и др.), признавая за международными договорами как таковыми статус источников МЧП, не включают в их число те из них, которые содержат унифицированные материально-правовые нормы, поскольку признают в качестве источников МЧП только те договоры (и международные обычаи), которые содержат исключительно коллизионные нормы.

Часть сторонников этой позиции идут еще дальше, и делит по тому же принципу источники национального права. Так, в частности, они исключают из числа источников МЧП те национальные правовые акты, что содержат исключительно материальные правовые нормы, т.е. нормы, непосредственно регулирую-

* Отсюда источниками российского права нужно признать и все источники международного права, в которых содержатся нормы, являющиеся обязательными для РФ.

щие транснациональные отношения, и в которых нет коллизионных норм.

Причем в качестве примеров таких нормативных актов обычно называются Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в РФ», Федеральный закон от 9 июля 1999 г. № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в РФ» и др. Нетрудно заметить, что эти законы относятся не к международному частному праву, а к международному административному праву, в котором коллизионные привязки содержатся, как правило, в международных договорах.

По мнению сторонников этой концепции, применение законов РФ в качестве регуляторов общественных отношений с иностранным элементом «будет осуществляться правоприменителем только после того, как первоначально будет сделан выбор в пользу российского права». Отсюда, по их мнению, в качестве источников МЧП могут выступать только те национальные законы, которые содержат коллизионные, но не материальные нормы [20, с. 41].

С такой позицией трудно согласиться. Во-первых, сегодня в МЧП России есть просто огромное количество материальных норм, направленных на регулирование трансграничных отношений. Поэтому международное частное право и «коллизионное право» давно уже перестали быть синонимами*. Во-вторых, отсылочные (коллизионные) нормы — это элемент юридической техники. Сами по себе они общественные отношения регулировать не могут. Их задача — дать ориентир в правоприменении, санкционировать в необходимых случаях применение для регулирования общественных отношений, в том числе норм права другой правовой системы. Поэтому деление источников права на источники или не источники МЧП России в зависимости от наличия в них коллизионных или материальных норм,

* Так, К. Липстайн, по-прежнему, утверждает, что «международное частное право... не имеет материального содержания. Оно не предполагает немедленного решения проблемы по конкретному спору, а действует опосредовано (косвенно). Оно лишь указывает на правовую систему, нормы которой подлежат применению для разрешения конкретного вопроса. Это методика, а не система материальных норм [21, р. 2]. По мнению Г. Кегеля, МЧП «нацелено на поиск лучшего пространственного решения... в то время, как материальное право нацелено на поиск лучшего материального решения» [22, р. 27].

нам представляется не только искусственным, но и принципиально неверным.

Другим источником международного права в ст. 38 Статута Международного Суда ООН назван *международный обычай*. Он не является столь же распространенным источником МЧП России, как международные договоры или национально-правовые акты, но до настоящего времени все еще находит свое применение в регулировании, скажем, международной торговли, международных расчетных операций, международных перевозок и др. Отсюда — международный обычай является источником МЧП нашего государства.

Ссылка на применение обычая может носить как общий характер, так и быть и достаточно конкретной. Иногда они сочетаются. Так, в п. 2 ст. 285 Кодекса торгового мореплавания РФ 1999 г. говорится, что «в случаях, если это предусмотрено соглашением сторон, а также в случаях неполноты подлежащего применению закона при определении рода аварии, определении размеров общеварийных убытков и их распределении применяются Йорк-Антверпенские правила об общей аварии и другие международные обычаи торгового мореплавания».

Международной практике государств известны многочисленные случаи, когда одни и те же правила поведения для одних государств существуют в договорной форме, а для других государств — в форме международных обычаев. Это имеет место, когда одни государства уже стали участниками какой-либо конвенции, а другие, не участвуя в ней, выполняют требования тех же самых договорных международно-правовых норм в качестве обычных международно-правовых норм [23, с. 20].

Современные авторы, по нашему мнению, совершенно справедливо присоединяют к основным традиционным источникам международного права (международному договору и международному обычаю) акты международных конференций**, акты международных ор-

** Международные конференции могут в своих актах устанавливать правовое регулирование, изменять его, а иногда и прекращать действие нормативного регулирования тех или иных отношений. В качестве соответствующих примеров можно указать на целый ряд конвенций, посвященных защите интеллектуальной собственности.

ганизаций* и международных органов в той их части, когда они «принимаются в целях установления и закрепления новых правил поведения и взаимоотношений государств, самих международных организаций, а также других субъектов» [24, с. 104]. В последнем случае эти акты могут оказаться в числе источников МЧП России.

Отсюда в качестве источников МЧП могут выступать такие основные источники современного международного права, как международный договор, международный обычай, а также акты международных конференций, международных организаций и международных органов.

Особое место занимают так называемые (ст. 38 Статута Международного Суда ООН) «общие принципы права цивилизованных народов». Сегодня официально или не официально они существуют в национальном праве практически всех государств, поэтому уточнение о «цивилизованных народах» утратила свою актуальность. Особое место эти принципы занимают потому, что по существу являются общими принципами национального права государств, но рассматриваются в качестве разновидности международного источника права.

Такие «общие принципы права» играют роль «аналогии права», когда необходимо вос-

полнить пробел в договорном или обычно-правовом регулировании применительно к конкретному случаю [25, с. 11].

Речь идет о таких общих принципах правосудия или юридической логики как «последующая норма отменяет предыдущую», «специальная норма имеет преимущество перед общей», «никто не может передать больше прав, чем он имеет», «никто не может быть принуждаем к исполнению своего права» и др. Применительно к процессуальной сфере в качестве таковых можно назвать такие принципы, как: «бремя доказывания лежит на истце», «ответчик, возражая, ставит себя в положение истца», «судья знает право», «никто не может быть судьей в собственном деле» и т.д.

Думается, что «общие принципы права» интернациональны и их, как и в международном праве, следует рассматривать в качестве источника МЧП России.

В качестве «вспомогательного средства для определения правовых норм» ст. 38 Статута Международного Суда ООН также упоминает судебные решения и доктрины наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций. Поскольку они не рассматриваются в качестве основных источников международного права, их анализ выходит за рамки настоящей статьи.

Литература

1. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII. М., 1956.
2. Вольф М. Международное частное право / Пер. с англ. М.: Госюриздат, 1948.
3. Международное частное право: Учебник / Под ред. Г.К. Дмитриевой. М., 2002.
4. Ануфриева Л.П., Бекашев К.А., Дмитриева Г.К. Международное частное право: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби: Проспект, 2007.
5. Маковский А.Л. Проблемы природы международного частного права в советской науке // Проблемы совершенствования советского законодательства. М., 1984.
6. Вельяминов Г.М. Международные договоры в «международном частном праве» и его понятие // Государство и право. 2002. № 8.
7. Международное право / Под ред. Г.И. Тункина. М.: Юрид. лит., 1982.
8. Лукашук И.И. Соотношение внутригосударственного и международного права в свете новой Конституции СССР // Вестник Киев. ун-та. Серия «Междунар. отношения и междунар. право». Киев, 1979. Вып. 8.
9. Лукашук И.И. Нормы международного права в правовой системе России. М., 1997.
10. Миронов Н.В. Советское законодательство и международное право. М.: Междунар. отношения, 1968.
11. Левин Д.Б. Проблема соотношения международного и внутригосударственного права // Советское государство и право. 1964. № 7.
12. Курс международного права. В 6 т. М.: Наука, 1968. Т. 4.
13. Усенко Е.Т. Формы регулирования социалистического и международного разделения труда. М.: Междунар. отношения, 1965. С. 160.

* Под актами международных организаций в данном случае понимаются документы, являющиеся итогом их собственного нормотворчества. Договоры и конвенции, разработанные государствами под эгидой международных организаций, к их числу мы не относим. Это, например, Устав Международной организации труда.

14. Лунц Л.А. Соотношение международного договора и внутригосударственного закона в гражданском и трудовом праве // Ученые записки ВНИИСЗ. М., 1968. Вып. 14.
15. Нефедов Б.И. Триптих. Межсистемные образования в праве // Евразийский юридический журнал. 2012. № 8, 9, 10.
16. Гревцова Т.П. Международный договор в системе источников советского внутригосударственного права // Сов. ежегодник международного права. 1963. М.: Наука, 1965.
17. Мешера В.Ф. О международном договоре как источнике советского права // Правоведение. 1963. № 1.
18. См. подробнее: Нефедов Б.И. Пункт 4 статьи 15 Конституции России: проблемы теории и практики // Правоведение. 2008. № 5. С. 122–133.
19. Верещетин В.С., Даниленко Г.М., Мюллерсон Р.А. Конституционная реформа в СССР и международное право // Советское государство и право. 1990. № 5.
20. Федосеева Г.Ю. Международное частное право: Учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Эксмо, 2005.
21. Lipstein K. Principles of the Conflict of Laws and International. Martinus Nijhoff Publishers. The Hague, 1981.
22. Kegel G. Paternal Home and Dream Home: Traditional Conflict of Law and the American Reforms // Am. J. Comp. L., 1979.
23. Международное публичное право: Учебник / Под ред. К.А. Бекяшева. М.: Проспект, 1999.
24. Международное право: Учебник для вузов / Под ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунова. М.: НОРМА, 2001.
25. Шумилов В.М. Итальянская доктрина международного права: Учеб. пособие. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2005.

References

1. Sbornik deystvuyushchikh dogovorov, soglasheniy i konventsiy, zaklyuchennykh SSSR s inostrannymi gosudarstvami [Collected book of existing treaties, agreements and conventions concluded by the USSR with foreign states]. Issue XII. Moscow, 1956.
2. Wolff M. Private international law. Oxford university press, 1945.
3. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo [Private international law] / edited by G.K. Dmitrievoy. Moscow, 2002.
4. Anufrieva L.P., Bekyashev K.A., Dmitrieva G.K. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo [Private international law]. 2nd ed., revised and expanded. Moscow, Velbi Publ., Prospekt Publ., 2007.
5. Makovskiy A.L. Problems of nature of private international law in the Soviet science. *Problemy sovershenstvovaniya sovetskogo zakonodatel'stva* [Problems of improving Soviet legislation]. Moscow, 1984.
6. Vel yaminov G.M. International treaties in the «private international law» and its concept. *Gosudarstvo i pravo* [State and law], 2002, no 8.
7. Mezhdunarodnoe pravo [Private international law] / Edited by G.I. Tunkina. Moscow, Yuridicheskaya literature Publ., 1982.
8. Lukashuk I.I. The ratio of domestic and international law in the light of the new Constitution of the USSR. *Vestnik Kievskogo universiteta. Seriya «Mezhdunarodnie otnosheniya i mezhdunarodnoe pravo»* [Bulletin of Kiev University. Series «International Relations and International right»]. Kiev, 1979, issue 8.
9. Lukashuk I.I. Normy mezhdunarodnogo prava v pravovoy sisteme Rossii [The norms of international law in the legal system in Russia]. Moscow, 1997.
10. Mironov N.V. Sovetskoe zakonodatel'stvo i mezhdunarodnoe pravo [Soviet legislation and international law]. Moscow, Mezhdunarodniye otnosheniya Publ., 1968.
11. Levin D.B. The problem of a parity of international and domestic law. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet state and law], 1964, no 7.
12. Kurs mezhdunarodnogo prava [Course of International Law]. Moscow, Nauka Publ., 1968, vol. 4.
13. Usenko E.T. Formy regulirovaniya sotsialisticheskogo mezhdunarodnogo razdeleniya truda [Forms of regulation of the socialist and international labor division]. Moscow, Mezhdunarodnie otnosheniya, 1965, p. 160.
14. Lunts L.A. The ratio of the international treaty and domestic law in civil and labor law. *Uchenye zapiski VNIISZ* [Scientific notes of the All-Union Scientific Research Institute of Soviet Legislation]. Moscow, 1968, issue 14.
15. Nefedov B.I. Triptych. Intersystem formations in right. *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal* [Eurasian Law Journal]. 2012, no 8, 9, 10.
16. Grevtsova T.P. An international treaty on the system of sources of the Soviet interstate law. *Sovetskii ezhegodnik mezhdunarodnogo prava. 1963* [Soviet Yearbook of International Law]. Moscow, Nauka Publ., 1965.
17. Meshera V.F. On an international treaty as a source of Soviet law. *Pravovedenie* [Law], 1963, no 1.
18. Nefedov B.I. Paragraph 4 of Article 15 of the Constitution of Russia: problems of theory and practice. *Pravovedenie* [Law], 2008, no 5, p. 122–133.
19. Vereshchetin V.S., Danilenko G.M., Myullerson R.A. Constitutional reform in the Soviet Union and international law. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet state and law], 1990, no 5.
20. Fedoseeva G.Yu. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo [Private international law]. 4th ed., revised and expanded. Moscow: EKSMO Pub., 2005.
21. Lipstein K. Principles of the Conflict of Laws and International. Martinus Nijhoff Publishers. The Hague, 1981.
22. Kegel G. Paternal Home and Dream Home: Traditional Conflict of Law and the American Reforms. *Am. J. Comp. L.* London, 1979.
23. Международное публичное право [International public law] / Edited by K.A. Bekyasheva. Moscow, Prospekt Publ., 1999.
24. Международное право [International law] / Edited by G.V. Ignatenko, O.I. Tiunova. Moscow, NORMA Publ., 2001.
25. Shumilov V.M. Ital'yanskaya doktrina mezhdunarodnogo prava [Italian doctrine of international law]. Voronezh, Voronezh state university, 2005.